

Народная легенда.

Гдѣ былыхъ годовъ чарующія сказки,
Вѣдьмы, духи злые, лѣшію, русалки?
— Нашей вѣры нынче такъ неярки краски,
Наши пѣсни нынче такъ тоскливо-жалки.

Умерла въ насъ жажда красоты природы;
Мы умомъ безстрастнымъ вѣру повѣряемъ,
И намъ чужды боги прежніе народа:
Ихъ мы разлюбили, ихъ мы забываемъ.

А въ природѣ скучно: нѣтъ русалокъ въ водахъ,
Сгниуль старый лѣшій, алой яги не стало:
Самъ Ярило скрылся въ темныхъ неба сводахъ,
— Красоты и сказокъ время миновало...

наменитый композиторъ Глинка обмолвился какъ-то слѣдующею фразой:

„Народъ творить, а мы только аранжируемъ“.

Это было сказано по поводу народныхъ мелодій и народныхъ пѣсенъ. Однако, насколько справедливы эти слова по отношенію къ музыкѣ, настолько же примѣнимы они и по отношенію къ литературѣ. Возьмемъ Пушкина, Гоголя... Не народное ли творчество „аранжировано“ въ бессмертныхъ сказкахъ?.. Не отклики ли народнаго эпоса — вѣчно-юные „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“? Увы, какъ это ни грустно, но русскій народъ пересталъ творить. Небезызвѣстный собиратель пѣсенъ каторжанъ, бродягъ и сибирскихъ инородцевъ, г. Гартевельдъ, выясняя причину упадка народнаго творчества, писалъ, что въ этомъ дѣлѣ очень дурную роль сыграло проведеніе желѣзныхъ дорогъ, сдѣлавшихъ общедоступнымъ сношеніе съ городской quasi-цивилизацией, съ ея зачастую низкимъ уровнемъ, а также и фабрика, гдѣ выработался жанръ такъ называемой „фабричной частушки“, ничего общаго съ истиннымъ народнымъ творчествомъ не имѣющей. Она, эта фабричная частушка, по внутреннему содержанию тяготеетъ къ „музыкѣ“ пѣсенъ, именуемыхъ „цыганскими“ (хотя послѣдняя имѣетъ, въ сущности, мало точекъ соприкосновенія съ музыкальнымъ творчествомъ

этого племени). Фабричная пѣсня, въ большинствѣ случаевъ, именно фабрикуется и отдаетъ душною атмосферой мастерской, равно какъ и „цыганская“ пѣсня пресыщена винными парами кафешантана. Разница между ними и народною пѣсней—та же, что между брилліантомъ-самородкомъ и искусною имитациею „Тата“. Подобно тому, какъ вытравляется народная пѣсня фабричною частушкой, дешевыми брошюрками и quasi-просвѣщеніемъ, медленно, но упорно вытѣсняются изъ памяти народной ея древнія сказанія, былины и легенды. Между тѣмъ, народное творчество полно неизъяснимой самобытной прелести и поэзіи... Русскій эпосъ занималъ умы не малаго количества ученыхъ, литераторовъ и любителей народныхъ сказаній. Надъ нимъ много потрудились и собиратели памятниковъ народнаго творчества. Однако, въ этой области у насъ имѣется существенный пробѣлъ. Я говорю о сказаніяхъ нашихъ инородцевъ, въ частности—о чувашахъ. Мнѣ привелось познакомиться съ одной изъ чувашскихъ легендъ. Оказывается, поэтическія струны далеко не чужды духу этого народа. Вотъ эта легенда:

Очень давно, когда лѣса покрывали еще всѣ берега Свіаги и весь тотъ край, гдѣ она протекаетъ; когда всякаго звѣря и птицы водилось великое множество, и люди кормились, убивая ихъ; когда еще священной Кермети (заповѣдная роща чувашъ, не забывшихъ язычества) не касалась рука безбожника, и когда еще самъ великій Тора помогалъ людямъ добывать изъ дуплистыхъ деревьевъ ароматный медъ дикихъ пчелъ, — жили два брата, Якишъ и Велюкъ. Старшій—Якишъ былъ злой; младшій — добрый. Однажды Якишъ охотился въ лѣсу. Тора не захотѣлъ помочь злому охотнику, и охота окончилась неудачей. Голодный и озлобленный, пришелъ Якишъ къ брату. Послѣдній въ это время ѣлъ медъ. Старшій попросилъ меду, и Велюкъ охотно подѣлился своимъ обѣдомъ. Якишу понравилось лакомство и, сдѣлавъ видъ, что его интересуетъ жизнь брата, онъ попросилъ показать ему то мѣсто, гдѣ пчелы собираютъ столь сладкую пищу. Простодушный Велюкъ показалъ ему всѣ дупла. Прошло нѣсколько дней. Прокравшись тайкомъ къ деревьямъ брата, Якишъ укралъ меду изъ дупла. Однако, не чтя законовъ Торы, онъ не отнесъ первый кусокъ сота въ Керметъ, на священный обрубокъ дерева. Тора разсердился, и пчелы по его приказанію слетѣлись со всѣхъ сторонъ, чтобы искушать дерзкаго. Якишъ былъ зажаленъ до смерти, а пчелы, вонзившія въ него свои жала, также умерли. Когда добрый Велюкъ увидѣлъ погибшаго брата и пчелъ, онъ заплакалъ — такъ жаль стало ему Якиша и своихъ кормилицъ. Долго плакалъ онъ и заснулъ въ слезахъ. И вотъ во снѣ слышитъ онъ вдругъ голосъ Торы: „Пойди, поймай

теленка, облей его водой и, что будетъ съ водой, то сдѣлай и съ мертвыми пчелами“.

Проснувшись, Велюкъ исполнилъ повелѣніе Торы. Теленокъ отряхнулся, и вода свѣтлыми каплями попадала на землю и скрылась въ ней. Тогда, согласно наученію Торы, Велюкъ разбросалъ мертвыхъ пчелъ и закопалъ ихъ въ землю. Это была первая пашня и первый посѣвъ. Скоро изъ земли появилась травка, на которой выросли колосья. Одни изъ нихъ были покрыты точь-въ-точь такими же жалами, какими пчелы убили Якиша; на другихъ же зерна висѣли, какъ висятъ на деревѣ рои пчелъ. Къ тому времени, когда прежде Велюкъ собиралъ медъ, колосья поспѣли. Велюкъ выбилъ изъ нихъ зерна, часть положилъ на священный обрубокъ Керметъ, а остальное растеръ камнемъ, смѣшалъ съ водой, высушилъ и ѣлъ вмѣсто меда. Такъ появился „сюгюръ“ (хлѣбъ). А Якишъ былъ унесенъ злымъ духомъ, сдѣлавшимъ изъ его сердца червей и донынѣ убивающихъ молодыхъ пчелъ; изъ злого же тѣла вывелись мыши, воровски поѣдающія хлѣбъ, добытый человекомъ.

Р. S. Нѣкто Тюбякъ-Чирковскій, отъ котораго я и узналъ настоящую легенду, пишетъ, что обычай обливать быка или теленка водой передъ посѣвомъ вывелся у чувашъ недавно — лѣтъ 15—20 тому назадъ. Чуваша собирались всей деревней и смотрѣли на животное. Если оно отряхивалось отъ воды — это предвѣщало урожай; если нѣтъ — неурожай. Послѣ гаданья животное убивалось и съѣдалось. Въ глухихъ деревняхъ Тетюшскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ (Казанской губ.) обычай этотъ и донынѣ свято хранится чувашами. Только стыдяся русскихъ, они держатъ его втайнѣ.

Е. Г.

